

УДК 130.2:316.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.3.030

РОЛЬ НАРРАТИВОВ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Н.Н. Равочкин^{1,2}, М.Д. Боганков³, Д.В. Ложкин³

¹ ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово

² ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кемерово

³ ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск

В современном мире тема институтов и их функционирования приобретает особую значимость по целому ряду причин, ведущей из которых усматривается их центральное место среди прочих социальных феноменов. Богатый интерпретативный потенциал институтов обуславливает их ведущую роль в реагировании на вызовы и предложение сценариев общественного развития в трудно прогнозируемом и чрезвычайно рисковом современном мире. В связи с происходящими разнонаправленными процессами требуется выяснение ключевых оснований рассматриваемых структур, осмыслив которые, акторы преобразований смогли бы реализовать жизнеспособные институциональные среды и вывести общество на желаемый эволюционный вариант развития. Однако воплощаясь в различных эмпирических контекстах, сочетания институциональных моделей позволяют создать уникальную архитектуру, для понимания которой необходимы именно философская оптика и предельные обобщения с целью приближения к самой сути данных структур. Настоящая статья посвящена рассмотрению роли нарративов в функционировании социальных институтов. Авторы рассматривают институт с идеалистических позиций, приводя два основных направления к их пониманию. В логике неинституционализма функционально приводится дихотомическое деление нарративов на формальные и неформальные. Обозначена механика структурирования институциональной архитектуры средствами нарративов. Приведены примеры непосредственной детерминации функционирования институтов устными историями. Определена высокая роль субъективности. В заключение подведены итоги и намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: нарратив, социальный институт, субъективность, история, норма, трансформации.

Современные теоретизирования по поводу облика нового мира все чаще апеллируют к институтам, которые предлагают интерпретации, способствующие пониманию оснований происхождения, развития и принципов функционирования тех или иных обществ на конкретных исторических отрезках. Удивительно, но институциональная проблематика стала объектом философской рефлексии относительно недавно, хотя имманентно ее

присутствие можно усмотреть начиная с Античности. По мере развития даже отдельных дисциплинарных исследований объяснительные возможности институтов приобретают дополнительную значимость, однако необходимость применения философской оптики к данным структурам связана как с многочисленными поворотами, произошедшими в науке, так и с поиском валидных оснований для осмысления глубоких онтологических изменений, происходящих в социокультурной реальности.

Попытки объяснения процессов формирования глобального мира невозможны без прояснения сущности институтов. Самоочевидно, что прагматика современности коррелирует с тезисом о том, что социальные институты ввиду своих конструктивных возможностей ориентированы на перспективу, значит, эти структуры укоренены в рациональной организации деятельности по поводу их преобразований. Одной из заслуживающих внимания современных концепций, отвечающей духу времени и позволяющей дополнить исследовательский взгляд на институты за счет учета идеальных факторов, становится теория нарративов.

Представители обозначенной концепции полагают нарративы в качестве истоков и регуляторов функционирования социальных институтов. Рассмотрим, что же именно представляет собой ключевое понятие. Закономерно, что в прочтении «нарратива» отсутствует единство во мнениях по поводу его значения. Так, одно из толкований заключается в утверждении некоторой системы идей, составляющих содержание повествования, которое разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой» [1, с. 384]. Понимаемый в такой логике нарратив выражает изложение содержательного описания происходящего, среди которого можно выделить и социальные институты. Отсюда следует, что нарративы социальных институтов представляют собой их концептуальное содержание, которое впоследствии реализуется на практике посредством необходимых и желаемых форм интеракций. Оформление таких нарративов происходит в процессах intersubjectивных взаимодействий, которые влекут за собой изменения в социальных системах и перестройку всех возможных связей и отношений между участниками.

Иное значение нарратива заключается через его интерпретацию как признаваемые множества норм и правил, которые определяют принципы социального взаимодействия между субъектами. Теоретики этого направления, в частности, И. Брокмейер и Р. Харре, определяют нарратив как «конденсированный ряд правил, включающих в себя то, что является согласованным и успешно действующим в рамках данной культуры» [2, с. 36]. Такое понимание нарративов придает им статус некоторого «набора инструкций», задающих когнитивные схемы, которые уже затем сказываются на специфике совершаемых индивидами действий, с помощью чего они интегрируются в общую социальную систему. Получается, что нарративы конституируют принципы взаимодействия субъектов интеракции и организуют

векторы совместного бытия и формы общежития людей, суть определяют его институциональные основы. Реалии интеллектуальной динамики абсолютно любого общества дают все основания согласиться с мнением по поводу того, что «нарративы действуют как чрезвычайно изменчивые формы посредничества между личностными и обобщенными канонами культуры, то есть являются одновременно моделями мира и моделями собственного “я”» [2, с. 38]. На наш взгляд, сильная сторона этой позиции усматривается в том, что она открывает широкие возможности для описания множества требований, выдвигаемых обществом по отношению к отдельному субъекту, а также учитывает способности индивида и/или группы лиц подбирать значимые и одобряемые действия, позволяющие в полной мере отразить способы бытия на соответствующем уровне.

Проанализировав два направления к пониманию нарративов как фундамента институтов, следует отметить, что включение этой идеальной переменной значительно дополняет распространенные в дисциплинарных исследованиях «материалистические» подходы. В самом деле, благодаря нарративам можно сформулировать расширенное понимание институтов, поскольку любая реализованная на практике система норм и правил не может быть рассмотрена в отрыве от мышления человека и его восприятия наличной реальности. Можно сказать, что нарративный подход обеспечивает полный взгляд на институты, в том числе и за счет обращения исследовательского взора на механику интеракции между участниками взаимодействия. Важно отметить, что нарративы выражают динамическую связь между социальными требованиями и индивидуальными возможностями и устремлениями акторов [14]. По нашему мнению, нарративы позволяют согласовать два взаимодополняющих элемента социальных отношений: (1) регулярная адаптация субъектов к актуальным институтам и задаваемым ими рамкам; (2) целенаправленное осуществление преобразований рассматриваемых структур, да еще таким образом, чтобы они удовлетворяли интересам и были конгруэнтны устремлениям большинства населения определенного общества. Таким образом, нарративы отражают диалектическое единство социальных институтов, которые, как известно, регламентируют практики взаимодействия и при этом учитывают персональные интенции отдельных субъектов.

Во многом институты позволяют проследить в обществе динамические процессы развития, поскольку их функционирование не может быть уложено в принцип «раз и навсегда», но изначально заданные организации и нормы являются саморазвивающимися основаниями социального бытия. Это совпадает со взглядами неоинституционалистов, которые утверждают возможность изменения принципов моделирования и воплощения институтов на практике. В этом отчетливо видна инструментальная роль нарративов, которые становятся едва ли не определяющими принципами осуществляемых институциональных трансформаций за счет содержательного наполнения и определения векторов будущего развития общества.

Как известно, при реализации изменений рассматриваемых структур неoinституционалисты выделяют «сферу необходимости», выраженную в совокупности норм, детерминирующих существование индивидуальных и коллективных субъектов и институциональных игроков, и «сферу столкновения интересов», связанную с отражением персональных путей развития. Центральная идея Р. Коуза состоит в так называемом «природном эгоизме», выраженном во множестве комбинаций интересов каждого из участников общественной интеракции. Учитель, политик, продавец, юрист – каждый из них стремится достигнуть реализации собственных интересов в максимально приемлемой для него форме и не желает быть зависимым от других, не говоря уже про благоволение со стороны более высокопоставленных сограждан. Субъективные устремления в значительной степени обуславливают выбор траекторий социальных взаимодействий. По сути, мы видим реализацию положений Т. Гоббса о необходимости преодоления эгоизма отдельных людей для возможности соблюдения безопасности совместного существования. Однако вместо идеи о достижении подобного гармоничного сосуществования путем использования ресурсов политической воли суверена и его способности навязывать социально корректные формы взаимодействия и определять их извне, предлагаются версии по кооперации огромного числа людей для поддержания цивилизованных стандартов жизни путем сдержек и противовесов [9]. Вследствие этого появляется возможность для качественного скачка общества как динамической, в некотором смысле самоорганизующейся системы, где именно нарративы оказываются основанием для синергетического преобразования институтов.

Продолжая рассуждения, следует отметить существование формальных нарративов, воплощаемых в институциональных формах, функциональное которых значение состоит в разрешении принципов коллективного взаимодействия на основании заранее определенных и нормативно закрепленных вариантов организации интеракций. Идеи Р. Коуза также содержат в себе положения о жизни как борьбе за выживание, желании как потребности и сведении этического к правовому. По своей сути это формальные характеристики человеческого бытия, закрепляющие те или иные конфигурации принципов интересубъективных взаимодействий. К примеру, поведение человека может мыслиться как детерминированное базовыми экономическими показателями, и именно поэтому его отчасти можно свести к необходимости реализации некоторых «естественных потребностей». В связи с обращением к одним лишь формальным основаниям человеческого взаимодействия неизбежен вполне очевидный экономико-биологический редуционизм. Он определяется естественными причинами, преобразованными в совокупность социальных норм как хозяйственных принципов взаимодействия и совместного существования людей. Эти нормы и правила не зависят от воли отдельного человека, требующего их буквального выполнения, а их нарушение не может обойтись без серьезных негативных последствий как для общественного существования нарушителя, так и для жизни.

Любопытно, но редукционизм неоинституционалистов преодолевается в хронологически предшествовавшей ей концепции Т. Веблена, для которого институты являются социально-культурными общностями людей, объединенных какими-либо общими интересами. При этом последние «вырастают частично из врожденных инстинктов, а частично – из потребности взаимодействия людей друг с другом в процессе материального производства» [12, с. 61]. В этой логике нарративы позволяют нормировать интересусубъективные взаимодействия между участниками хотя бы на том основании, что для достижения желаемых результатов они обращены к многочисленным инстинктам, фундирующим биологическую основу человека. В подтверждение нашему мнению в различных сферах общественной жизни можно найти немало примеров. Говоря об экономике, нарративы, закладывающие содержание институциональных практик, обращены к инстинктам конкуренции и соперничества; в политико-правовой сфере обращают на себя внимание инстинкты мастерства, профессионализма и даже родительства; палитра нарративов институтов из духовной области социума также разнообразна – от любопытства до самосохранения.

В то же время следует помнить, что нарративы могут быть и неформализованными. К таковым относятся как различные своды этических норм или обычаев делового взаимодействия, так и сложившиеся правила поведения, санкционируемые корпорациями или же отдельными сообществами. Говоря другими словами, неформальное содержание институтов складывается вне зависимости от того, прописано оно в каком-либо документе или нет [7]. Природа действий людей, основанных на обычаях, сформирована хабитуализацией отдельных практик и глубокой убежденностью в значимости, правильности и целесообразности совершения конкретных поступков.

История знает немало примеров, демонстрировавших богатый функционал неформальных составляющих институтов, чьи возможности оказывались несравненно больше, чем формальное регулятивное воздействие. Характерно, что руководство в частности обычаями делового общения делает возможным отступление от изначально заложенных поведенческих паттернов. Высказанное допущение лежит в области дескриптивной природы подобных практик и не несет за собой неотвратимых негативных санкций в отношении отступившего от них. Неформальные нарративы лежат в реальной деятельности, что зачастую усложняет их восприятие в полной мере в тех или иных эмпирических контекстах. Помимо того, что они нигде не закреплены, их достаточно трудно полностью запретить или элиминировать из интересусубъективных взаимодействий, если, конечно, они не подпадают под санкции законодателя [15, с. 72]. Вдобавок к этому, нарративы могут «принимать форму правил, заданных широко используемыми моделями в академической среде и среди государственных экономистов, проводящих экономическую политику» [4, с. 153]. Структурирование институциональной архитектуры при помощи нарративов реализуется через многочисленные каналы. В экономи-

ческой сфере для дистрибуции нарративов используются механизмы рыночных обменов, а также государственного распределения и планирования ресурсов. В полной мере соглашаемся с мнением В.В. Вольчика по поводу того, что в рассматриваемой сфере нарративы выступают своего рода «упрощенными резюме» тех или иных событий. Однако в рассматриваемом функциональном аспекте социальных институтов именно эта роль оказывается принципиальной для достижения баланса между предельными значениями в парах «спрос – предложение», «материальные – нематериальные интенции потребителей», «альтруизм – эгоизм» [6].

Резонно полагать, что нарративы выражают единство социальных требований и индивидуальных способностей акторов к преобразовательной деятельности. Концептуальные синтезы формального и неформального позволяют воплощать на практике новые формы социального бытия, поскольку в нарративах закодирована креативная созидательная активность и специфика мировоззрения. Также в рассматриваемой концепции утверждается, что для нарратива неотъемлема связь истории с сюжетом. Первая предполагает множество средств описания события, тогда как сюжет репрезентирует процесс рассказа о нем, причем это всегда организовано таким образом, чтобы как можно лучше была отражена субъективность повествующего. Следует помнить, что нарративы не имеют единственного или универсального варианта для изложения, поэтому всегда может быть рассказаны по-иному [8]. Представленное понимание влечет за собой возможность для трактовки событий отдельными индивидами, причем значимым оказывается персональный опыт человека, его мировоззрение и иные субъективные факторы, определяющие неповторимость интерпретативных ресурсов нарратива.

В.В. Вольчик полагает, что «индивиды используют нарративы, с одной стороны, чтобы выразить свою интерпретацию важных событий, вкладывая в содержание историй свой опыт социальных взаимодействий. А с другой стороны, те, кто являются слушателями или читателями историй, получают понимание особенностей социального контекста, в котором происходят взаимодействия. Исходя из нарративов, мы можем лучше понять мотивацию акторов» [6, с. 135]. Субъективная составляющая нарративных оснований позволяет формировать персональные способы существования в институциональных рамках. В данном случае принципиальным представляется наличие идеационных факторов видения социальных институтов [13]. Идеационными они являются уже хотя бы по той причине, что выражают субъективное восприятие различных событий – и это открывает возможности полагать вариации персональных форм самовыражения человека в институциональной среде.

Одним из важнейших факторов, позволяющих оказывать влияние на описание событий, социальных институтов и субъектов, является так называемая «устная история», используемая в американской историографии для описания методологического принципа постижения исторического процесса. Представителями упомянутой традиции также был разработан инструментарий и осуществлена институционализация устной истории, а ее

популяризация стала возможной благодаря развитию технологии сохранения и записи одноименных источников. Однако в первую очередь отмеченные сдвиги произошли благодаря проведению переосмысления самого объекта исторического исследования, которым отныне становится человек во всех его проявлениях. В самом деле, без устной истории немислимо представить изучение ментальных конструкторов человека в прошлом и их функционирование в различных культурах. По сути, формирование нарратива в форме устной истории и ментального конструктора основано на социальном заказе продвижения в гражданском обществе публичной истории, на использовании ресурсов частных рассказов, передаваемых вербальным путем и документированных соответствующим образом, а также на основании используемых в терапевтических целях практик психиатрии и геронтологии. Полученные результаты могут быть использованы для реализации проекта общих норм поведения социальных субъектов, обеспечивающих формирование институтов коллективного взаимодействия [11].

Перед нами в явной форме проявляется значительный ресурс нарратива, заключающийся в возможностях использования устных историй для описания фактологических событий и возможности применения доказательств в исследованиях. Любые случаи и явления, начиная от действий человека вплоть до закрепления институциональных правил коллективного бытия, формируются как его индивидуальные восприятия, следовательно, задают возможности применения схем мышления и исторического понимания как образца для других участников социальных процессов. Применение на практике полученных и доказанных таким образом знаний позволяет, по мнению авторов, контролировать социальную и индивидуальную память, давая возможность институтам регламентировать деятельность отдельных субъектов. Сам же нарратив логичнее понимать в качестве мировоззренческого основания нормативного и институционального измерения социального бытия или способа регламентации intersубъективных взаимодействий через формирование концептуальных рамок. На уровне социальной памяти и устной истории нарративы определяют субъективные точки зрения и позволяют каждому участнику социального процесса создавать собственный мир событий и понимания институтов.

Представая через устную историю, нарративы могут формировать конфликты интересов и интерпретаций, связанных с тем, что одну социальную группу не устраивает вариант истолкования воспринимаемых событий, которое осуществляют представители другой общности. Как следствие, обозначенный конфликт интересов может быть интерпретирован как исторический проект, включающий в себя множество восприятий тех или иных субъектов. Различные элементы социальной и персональной памяти позволяют реконструировать события, происходящие в определенный промежуток времени. Конструкция воспоминаний с помощью отобранных данных, эмоциональное самопозиционирование с применением набора форм прояв-

ления эмоциональных состояний, готовность познающего субъекта канонизировать воспоминания – вот лишь малая часть способов реализации устной истории, способствующей хоть сколько-нибудь полноценному восприятию событий прошлого. Самоочевидно, что и социальные институты, являясь событиями, также могут быть описаны при помощи представленных методов. Ю.С. Никифоров считает, что применение такого инструмента, каким выступает интервью, «является исходным и весьма эффективным способом исследования событий новейшей отечественной истории» [10, с. 261]. По сути, в национальных координатах те социальные институты, которые относятся к советскому и переходному периоду, будут описаны более качественно при помощи предлагаемых исследовательских средств.

Признавая прагматику данной методологии, считаем, что познание социальных институтов как исторических событий позволит определить эффективность их функционирования и возможность обращения к опыту прошлого при его адаптации к актуальным контекстуальным реалиям. Отсюда можно утверждать, что создание неоформ, сочетающих опыт прошлого и передовые идеи, дает актерам институциональных преобразований использовать уже отработанные нарративные ресурсы и создать уникальные схемы реализации социальной нормативности. Вне сомнения, нарратив в формате устных историй позволяет более точно и полно описать картину происходящего, определить сущность того социального института, про который идет повествование в множестве историй. Вместе с тем неизбежность конфликта интересов не позволяет получить полностью достоверные данные о той или иной структуре, что также усугубляется спецификой человеческой памяти, которая де-факто редко способна сохранять различные детали безошибочно.

Еще одним значимым свойством нарратива считается возможность использования «матричных текстов» как совокупности стандартных официальных знаний и мнений, которые респондент выдает за собственные воззрения и модели восприятия действительности и ее различных срезов [3]. Их использование повышает шансы навязывать точку зрения адресату таким образом, чтобы последний далеко не всегда мог осознавать, что транслирует автор. В конечном счете именно нарративы конституируют нормативное отношение к миру и социальным институтам, при котором достигается использование субъектами интеракции приемлемых форм понимания реальности. Как следствие, этот подход дает надежную основу для выражения субъективных способов миропонимания, определения сущности и перспектив столкновения интересов и контроля социальной памяти для дальнейших траекторий институциональных трансформаций.

Субъективные привычки, которые используются отдельными людьми в процессе реализации огромного количества инструментов будущих институциональных преобразований, «отражаются в разговорах, дискурсах и историях, которые используются для коммуникации между людьми» [5, с. 51]. Отдельно следует сказать, что привычки детерминированы контекстуальными условиями бытия индивидов, поэтому и позволяют

формировать социальные институты как отражающие интересы и экспектации человека установления. Память, включающая жизненный мир человека в историческую ретроспективу, оказывает влияние на замыслы и формы социальных институтов. В идеальном сценарии становление последних реализуется на основании эволюционного перехода, что подразумевает переход к более сложным формам взаимодействий и практик. Субъекты социальных интеракций участвуют в формировании системы норм, которые напрямую связаны с регламентацией насилия и различными вариантами осуществления власти. Таким образом, нарратив участвует в выборе возможностей конструирования различных социальных институтов. Одним из примеров реализации нарратива может служить историческое и социальное понимание статуса женщины в концепции феминизма, что на протяжении последних десятилетий привело к существенному изменению ее места и роли в социуме. Нельзя не сказать, что колоссальное значение здесь принадлежит ретроспективному видению и применению ресурсов устной истории. Концептуальное понимание семейно-брачных отношений до середины XX столетия определяло доминирующую роль мужчины, или маскулинного начала, и подчиненную роль женщины, что связывалось с множеством факторов. Однако с начала 70-х годов XX в. феминизм изменил видение статуса женщины, и это позволило усмотреть ее положение как равного участника общественных отношений, а в некоторых странах и вовсе способствовало ее доминирующему положению.

Применительно к социальным институтам необходимо указать на тройственную природу нарратива. Одна часть состоит в системе нормативности, которая определяет функционирование социальных субъектов в соответствии с определенными требованиями. Вторая составляющая нарративов может быть представлена как непосредственное основание рассматриваемых структур, что способствует интегративному взаимодействию людей. Третья же часть заключается в том, что они суть устные истории, рассказы, которые определяют субъективные формы организации социальных взаимодействий.

Итак, с функционально-прагматических позиций нарративы определяют специфику институтов самых различных сфер общественной жизни. Феномены воспоминания, истории и рассказов отражают последовательное существование социальных структур во времени и эмпирических контекстах. В тренде современной социальной философии, ориентированной на аналитику и историзм, нарративы выступают новым гносеометодологическим основанием, поскольку позволяют как нельзя лучше понять соотношенность находящихся в триаде «прошлое – настоящее – будущее» институтов с какими-либо субъектами. Таким образом, в нарративах осуществляется концептуализация опыта и памяти, играющих значительную роль для последующих сценариев институциональных преобразований.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

3. Бутько В.Н. Устная история: преимущества и недостатки // Наука и современность. 2010. № 1-1. С. 118–123.
4. Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Нарративы, идеи и институты // Terra economicus. 2018. Т. 16, № 2. С. 150–168.
5. Вольчик В.В. Нарративы и понимание экономических институтов // Terra economicus 2020. Т. 18, № 2. С. 49–69.
6. Вольчик В.В. Нарративная и институциональная экономика // Journal of institutional studies. 2019. Т. 9, № 4. С. 132–143.
7. Миклашевская М.И. Правовая природа обычая делового оборота // Антиномии. 2001. № 2. С. 343–358.
8. Можейко М.А. От постмодерна к Пост-Постмодерну: современные социокультурные трансформации и новейшие тенденции философии языка [Электронный ресурс]. URL <http://www.idildergisi.com/makale/pdf/1334438538.pdf> (дата обращения 01.07.2023).
9. Неизвестный Рональд Коуз: обсуждение книги «Очерки об экономической теории и экономистах» // Экономическая политика. 2016. Т. 11, № 2. С. 194–212.
10. Никифоров Ю.С. Роль «устной истории» в изучении региональных элит позднего социализма // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 260–266.
11. Ростовцев Е.А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, № 2. С. 522–545.
12. Сазанова С.Л. Институциональная теория организаций // Вестник университета. 2015. № 8. С. 61–66.
13. Степанова В.С. Генезис понятия «устная история» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 4. С. 392–395.
14. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 1 (6-7). С. 56–74.
15. Цуканова Е.Ю., Берестнев Р.Е. Роль обычая и делового общения в регулировании корпоративных отношений // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 6-1 (60). С. 71–73.

ROLE OF NARRATIVES IN SOCIAL INSTITUTIONS FUNCTIONING: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

N.N. Ravochkin^{1,2}, M.D. Bogankov³, D.V. Lozhkin³

¹ Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev, Kemerovo

² Kuzbass state agricultural academy, Kemerovo

³ National research Tomsk state university, Tomsk

In the modern world, the topic of institutions and their functioning is of particular importance for a number of reasons, the leading of which is their central place among other social phenomena. The rich interpretive potential of institutions determines their leading role in responding to challenges and proposing scenarios for social development in the difficult to predict and extremely risky modern world. In connection with the ongoing multidirectional processes, it is

necessary to clarify the key foundations of the structures under consideration, by understanding which, the actors of transformation could implement viable institutional environments and lead society to the desired evolutionary development option. However, when embodied in various empirical contexts, combinations of institutional models make it possible to create a unique architectonics, the understanding of which requires precisely philosophical optics and extreme generalizations in order to get closer to the very essence of these structures. This article is devoted to considering the role of narratives in the functioning of social institutions. The authors consider the institution from an idealistic position, citing two main directions for their understanding. The logic of neo-institutionalism functionally provides a dichotomous division of narratives into formal and informal. The mechanics of structuring institutional architectonics using narratives are outlined. Examples of direct determination of the functioning of institutions by oral histories are given. The high role of subjectivity is determined. In conclusion, the results are summed up and prospects for further research are outlined.

Keywords: *narrative, social institution, subjectivity, history, norm, transformation.*

Об авторах:

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; профессор кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Боганков Михаил Дмитриевич – магистрант философского факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск. E-mail: bogankov1986@yandex.ru

Ложкин Дмитрий Владимирович – магистрант философского факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск. E-mail: lozhkin1983@yandex.ru

Authors Information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich –PhD (Philosophical Sciences), associate professor, professor of history, philosophy and social sciences dept., Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; professor of pedagogical technologies dept., Kuzbass state agricultural academy. E-mail: nickravochkin@mail.ru

BOGANKOV Mikhail Dmitrievich – postgraduate student of philosophical faculty, National research Tomsk state university. E-mail: bogankov1986@yandex.ru

LOZHKIN Dmitriy Vladimirovich – postgraduate student of philosophical faculty, National research Tomsk state university. E-mail: lozhkin1983@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 12.09.2023.